

Семенов П.А.,

д. ф. н., профессор Балтийского института иностранных языков и
межкультурного сотрудничества,
Россия, г. Санкт-Петербург, e-mail: 2331638@mail.ru

**НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ
О ГРАММАТИЧЕСКОЙ НОРМЕ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ
(к 80-летию Н. И. Гайнуллиной)**

На материале силлабической поэзии Петровской эпохи автор развивает идеи Н.И. Гайнуллиной о характере языковой нормы переходного периода. Основное внимание уделяется особенностям функционирования модально-временных форм в текстах, относящихся к разным стилистическим регистрам. Автор приходит к выводу, что лучшим писателям эпохи свойственно нормативное мышление. Отбор и организация языковых средств в их произведениях носит осознанный характер.

Ключевые слова: норма, узус, претерит, стиль, регистр, силлабическая поэзия.

Semenov P.A.,

Doctor of Science, Professor of Baltic University
of Foreign Languages and Intercultural Communication,
Russia, Saint Petersburg, e-mail: 2331638@mail.ru

**A few notes on the grammatical norm of the Peter's the Great epoch
(On the 80th anniversary of N.I. Gainullina)**

On the material of syllabic poetry of Peter's epoch the author develops the ideas of N. I. Gainullina on the essence of the language norm of the transition period. The main attention is paid to the peculiarities of the functioning of modal-temporal forms in texts belonging to different stylistic registers. The author comes to the conclusion that normative thinking is peculiar to the best writers of the epoch. The selection and organization of language means in their works is conscious.

Key words: norm, usus (usage), preterit, style, register, syllabic poetry.

Семенов П.А.,

Шетел тілдері және мәдениетаралық ынтымақтастық
Балтық институтының профессоры, ф.ф.д.,
Ресей, Санкт-Петербург қ., e-mail: 2331638@mail.ru

**Петр дәуіріндегі грамматикалық нормалар туралы бірнеше ескертпелер
(Н.И. Гайнуллинаның 80 жылдығына орай)**

Автор Петр дәуірінің силлабикалық поэзиясының материалдары негізде өтпелі кезеңдегі тілдік норманың сипаттамасынан қарастырған Н.И. Гайнуллинаның идеялары бағытында дамытады. Мәтіндердегі әр түрлі стилистикалық регистрлерге, модальды-уақыт формаларының функцияларының ерекшеліктеріне басты назар аударған. Осының нәтижесінде автор сол дәуірдегі мықты жазушыларға нормативті ойлау тән деген қорытындыға келген. Олардың шығармаларындағы тілдік тәсілдердің ұйымдасуы мен қолданысы нақты сипаттама тән екендігін көрсетеді.

Түйін сөздер: норма, узус, модальды-уақыт формалары, стиль, регистр, силлабикалық поэзия.

Эти скромные размышления о языковой норме литературного языка Петровского времени мне хотелось бы посвятить памяти Надежды Ивановны Гайнуллиной, моего любимого учителя и друга. В центре исследовательских интересов Надежды Ивановны был литературный язык Петровской эпохи. Вопросам освоения заимствованной лексики на материале «Писем и бумаг Петра Великого» была посвящена ее кандидатская диссертация (Gaynullina, 1973); докторское исследование и связанные с ним тематические статьи и монографии содержат осмысление роли и места Петра Великого в истории русского литературного языка, раскрывают глубинный смысл происходивших в этот период процессов в литературном языке и, в частности, состояние языковой нормы (Gaynullina, 1995; 2002; 2004).

Введение

О языке Петровской эпохи много спорят, при этом оценки языкового состояния могут носить диаметрально противоположный характер. Ср., напр., с одной стороны, высказывание В.Д. Левина: «То, что раньше было сосредоточено на разных полюсах языка, что представляло разные языковые системы, отражая феодальное «двуязычие», могло оказаться бессистемно смешанным в пределах одного произведения. К этому добавился мощный иноязычный элемент, что привело к еще большей пестроте письменного языка. Сказалось еще и различие в темпах развития и степени традиционности разных сторон языка. Новая для литературного языка лексика – народно-бытовая или западноевропейская – могла получить архаическое, церковнославянское грамматическое оформление, что создает порой, с точки зрения нашего времени, даже комический эффект, звучит пародийно» (Levin, 1964: 117-118). Подобного рода утверждения можно встретить и в работах других исследователей. Например, В.М. Живов в монографии «Очерки исторической морфологии русского языка XVII-XVIII веков» замечает, что языковая ситуация Петровской эпохи достаточно точно характеризуется метафорой А. В. Исаченко «первобытный хаос»: «Первобытный хаос – это то состояние, из которого рождается новая жизнь. В чем состояла хаотичность нового идиома, поддается объяснению. Те элементы, которые раньше были распределены по разным письменным традициям (по разным регистрам письменного языка), теперь оказываются сваленными в одну кучу, которая

в настоящем исследовании именуется «петровским пулом». Та вариативность, которая раньше была упорядочена фрагментациями узуса по разным регистрам, теперь оказывается неупорядоченной в рамках единого нефрагментированного узуса» (Zhivov, 2004: 541). При этом в метаязыке, описывающем языковую ситуацию Петровской эпохи, наблюдается незаметное сползание с категории «норма» к категории «узус», говорится о «неустойчивом узусе»: «Этот неустойчивый узус характерен и для начального этапа деятельности академических филологов. В первом академическом издании – имею в виду «Краткое описание комментариев Академии наук» – отдельные переводчики пишут по-разному и узус в целом отличается большой пестротой» (Zhivov, 2004: 564). Исследователи как бы признаются в своем бессилии реконструировать *норму* данного периода и тем самым молчаливо или открыто соглашались с тем, что нормы как таковой нет, и даже более – нет литературного языка: ««Гражданский» язык Петровской эпохи, хотя его нередко называют русским литературным языком нового типа, не обладает основными атрибутами литературного языка: ему не присуща ни общеобязательность, ни кодифицированность, ни полифункциональность» (Zhivov, 2004: 543).

Противоположная точка зрения была в свое время высказана в «Лекциях по истории русского литературного языка» Б.А. Лариным: «Многие историки языка, исходя из плохих переводов, считали язык Петровской эпохи неоправданно пестрым, характеризующимся нелепым смешением славянских и заимствованных элементов. Это поверхностные выводы. Верная оценка языка Петровской эпохи должна опираться на лучшие сочинения того времени, необходимо учитывать, на восприятие какого читателя рассчитаны эти произведения» (Larin, 2005: 354-355). Именно эту точку зрения разделяет Н.И. Гайнуллина, утверждая, что «хаос» и «безъязычие», которые «привычно отмечают исследователи, говоря о данном времени, представляется не как отсутствие всяких норм (это, по нашему мнению, взгляд на языковую ситуацию «сверху»), не как смешение, а как *закономерное соединение традиционного и нового*, которое наиболее заметно на уровне лексического употребления в текстах этого времени (взгляд «изнутри»). Это представление о языке с позиций *функционального* подхода, рассматривающего не отдельные уровни системы (строевый подход, свойственный исторической грамматике), а *текст* как коммуникативное построение

более высокого порядка, когда речь идет об *употреблении* языковых единиц... Именно тогда так называемое «смещение» и тем более хаос предстанут как своеобразная *норма переходного периода*» (Gaynullina, 1995: 17). При таком подходе, напротив, для осмысления языковой ситуации исследователям недостаточно категории «узус», так как она, по мнению Н.И. Гайнуллиной, не способствует прояснению сущности происходящих в литературном языке процессов (Gaynullina, 2004: 6). Исследователи этого направления стремятся *реконструировать норму*.

Заметим, однако, что сторонники «подхода Ларина», к которым относится и Н.И. Гайнуллина, для подтверждения своей позиции обычно апеллируют к лексическому материалу. Сторонники противоположной точки зрения («подхода Левина»), напротив, в качестве аргумента широко используют грамматический материал, в особенности морфологию. Это и понятно: если смещение разнородных лексических единиц легко объясняется новыми темами, идеями, понятиями, пришедшими с новой секуляризованной культурой, и тем самым не может свидетельствовать об «отсутствии норм», то вряд ли новое содержание обязательно требовало смещения разнородных грамматических форм. Получается, что новая лексика есть средство восполнения содержательных лакун, и «неологический взрыв» Петровской эпохи сам по себе был не в состоянии поколебать норму, но *грамматическая нестрога* текстов должна бы служить несомненным доказательством того, что в это время отсутствуют какие-либо кодифицированные нормы и господствует «первобытный хаос».

Тем интереснее посмотреть именно на грамматическую систему с позиций функционального подхода, который отстаивает Н.И. Гайнуллина, т. е. проанализировать грамматическую норму не в абстрактном «языке», представленном как набор отвлеченных «парадигм», а в конкретном тексте, с учетом его прагматики, функционального назначения, жанрово-содержательного своеобразия. При этом необходимо учитывать, что предшествующая средневековая культура слова – это риторическая культура, в которой основным строительным материалом текста была *словесная формула*, а с содержательной точки зрения текст распадался на *топосы* – законченные в смысловом отношении фрагменты текста, «речевые куски», в пределах которых получает развитие та или иная тема (Kolesov, 1989: 136-147). Каждый такой топос характеризовался свойственным именно ему набором сло-

весных формул. XVIII век еще не преодолел эту устойчивую традицию: окончательное разрушение топики, «демонтаж красноречия» (если воспользоваться выражением Р. Лахманн) произойдет позже, в реалистической стилистике XIX в.

Эксперимент

В качестве материала не будем привлекать «низовую» литературу, ориентированную на массового читателя (напр., многочисленные повести Петровского времени или сборники анекдотов); и деловую и частную переписку, которая, напротив, не была рассчитана на широкую аудиторию и по этой причине не отличалась литературной отделкой. Воспользуемся советом Б.А. Ларина и обратимся к «лучшим произведениям» этого времени. Материалом для наших наблюдений будет *силлабическая поэзия* Петровской эпохи, восходящая к традициям так называемого «московского барокко», представители которой были людьми высокообразованными, обладавшими несомненным чувством нормы и стиля.

Система «трех штилей» в рассматриваемый период еще не сформировалась, но условно уже в Петровское время можно говорить о трех стилистических регистрах – высоком, среднем и низком. Можно вслед за В.В. Виноградовым говорить о типах литературного языка – книжно-славянском и народно-литературном, о разновидностях более замкнутых и менее проницаемых, чем стили, а также о письменно-деловом языке. На базе этих разновидностей впоследствии формируются стили. Тексты среднего регистра – любовная силлабическая лирика – уже были предметом нашего анализа (Semenov, 2009: 92-105), поэтому в настоящей статье рассмотрим произведения, которые могут быть отнесены к высокой и низкой разновидностям литературного языка. Условно назовем их «стилями».

1. «Высокий стиль». В качестве образца высокой силлабики рассмотрим «Стихи на измену Мазепы, изданные от лица всея России» (Russkaya sillabicheskaya poeziya, 1970: 262-264), принадлежащие перу Стефана Яворского, выдающегося церковного писателя и проповедника Петровской эпохи.

Грамматическим каркасом, создающим языковую композицию текста, являются глагольные формы. Как и любой риторический текст, ода С. Яворского, состоящая из 11 строф, четко членится на вступление (приступ), основную часть (включающую в себя ряд композиционных бло-

ков) и заключение (воззвание). В смене модально-временных планов прослеживается достаточно строгая закономерность.

1) Наиболее разнообразен в модально-временном плане «приступ», поскольку в нем формулируется основная тема (измена Мазепы), основной тезис (отношение к этому России) и основная идея (возмездие, божья кара отступнику):

*Изми мя, боже, – вопиет Россия –
От ядовита и лютаго змия,
Его же ждаша адския заклепы, –
Бывшаго вожда Ивана Мазепы.
Ах, тяжку горесть терпит мати бедна,
Утробу мою снедает ехидна.
Кто мне даст слезы, якоже Рахили,
Восплачу горько о моем смутном деле (262).*

Как видим, здесь есть императив, обращенный к богу (*изми мя, боже*), презенс (*горесть терпит мати бедна, утробу... снедает ехидна*) и футуральные формы (*даст слезы, восплачу горько*), которые задают последующее развертывание текста, поскольку все последующие строфы представляют собой плач от лица России. Выбивается из общего ряда аорист *ждаша* – форма, не являющаяся облигаторной: на ее месте вполне могла быть форма настоящего (будущего) времени. Очевидно, что здесь аорист – элемент стилистической отделки текста, но считать его семантически пустой формой не следует, поскольку согласование по лицу и числу не нарушается (*заклепы – ждаша*), и сама измена Мазепы – факт прошедшего («мимошедшего»). Это так называемое прошедшее живописующее, связывающее прошлое и будущее (причина будущих адских мук в прошлом – в измене Мазепы). Такое использование претеритов, когда они приобретают вневременное значение, нередко для церковных текстов. Заметим, что *заклепы ада, заклепы рая, заклепы вечные* – устойчивые церковно-книжные формулы. Ср.: *Тече адъ и затвори врата и железными заклепы утверди* (Златая Цепь, XIV в.).

2) Следующий композиционный риторический элемент – «изъяснение»; его задача – раскрыть содержание тезиса (измена Мазепы):

*Се второй Ирод, исполнь смертна яда, –
Мазепа лютый убил мои чада.
Уподобися Россия Давиду,
Иже от сына терпяше обиду.
Авессалом сын был неблагоприятный,*

*Подобен ему Мазепа коварный.
Возлюбих его яко мати сына,
Откуда убо такова измена? (262)*

Поскольку измена Мазепы – свершившийся факт, здесь представлены только формы прошедшего времени, причем, автор использует все три формы прошедшего времени, которыми располагает книжно-славянский тип литературного языка: перфект без связки (*Мазепа лютый убил мои чада*), аорист (*Уподобися Россия Давиду; возлюбих его яко мати сына*), имперфект (*терпяше обиду*). Все три прошедших времени здесь на своем месте: перфект обозначает прошедшее актуальное, результат которого в настоящем; аорист – прошедшее совершённое, результат которого остался в прошлом; имперфект – прошедшее несовершенное, и в то же время давно прошедшее (библейские времена). Следовательно, уже анализ этого небольшого риторического блока позволяет сделать предварительный вывод о том, что Стефан Яворский прекрасно осознаёт семантику времен и в целом следует строгой церковнославянской норме (к отсутствию связки при перфекте мы еще вернемся).

3) Следующая часть оды, которую в риторической традиции называют «изложением», развивает топос измены (*Возлюбих его яко мати сына, Откуда убо такова измена?*). Поставлен вопрос, на который, собственно, и должна дать ответ эта часть риторического построения. И поскольку повествование переносится в план прошлого, то господствующей временной формой в этом композиционном блоке становится аорист (строфы 3-5):

*К нему бысть моя матерняя любви,
Той же изотри на мя зубы.
Аз сотвори ъ с вельможи сидети,
Той же смертныя спелете на мя сети.*

*Аз яко чадо носих во утробе,
Той же мя хошет видети во гробе.
Аз напоих ъ из камене меда,
Той же пагубна исполни мя вреда.*

*Толику на мя отрыгнул есть злобу,
Люте снедающ матерню утробу.
Аз любящ его мати выше меры,
Чаях от него сыновския веры.*

*Той же бысть на мя бритва изощренна,
От нея же есмь люте уязвленна,
Яко прельсти мя, не познах веса
Аггела видом, прелестию ж беса.*

Мнях, яко агнец, но волк ядовитый,
Овчею лестно кожею покрытый.
Сладок языком, но прегорькой делы,
Утаи на мя пагубныя стрелы (262-263)

На 11 форм аориста (*бысть, изостри, сотвори, сплете, носих, исполни, чаях, прельсти, познах, мнях, утаи*) приходится 2 формы презенса (*хочет* и связка *есмь*) и 1 форма перфекта (*отрыгнул есть*). Очевидно, что появление этих форм не нарушает общего модально-временного плана повествования, поскольку связывает прошедшее с настоящим: в первом случае настоящее актуальное и статив (*мя хочет видети во гробе; От нея же есмь люте уязвленна*), во втором – актуальный результатив (*отрыгнул есть злобу*).

4) Следующий композиционный элемент оды – «назидание» (строфы 6-8) – выстроен как каскад риторических вопросов, восклицаний и обращений к изменнику Мазепе:

Како простерти *дерзнул еси* длани,
Люте матери уязвити раны?
Аще бы ми враг поносил сугубо,
Претерпела бы казни его любо.
Но от своего чада прелюбима
О, коль матери язва нестерпима!
Что моя вина? Что творих ти худо?
Чесо ради мя гониши, Иудо?

За моя хлеба, за моя трапезы
Горькия в жажду даеши мне слезы.
Горе, проклятый, тебе, лицемеру!
Како *дерзнул еси* изменить веру,
Юже пред крестом и Евангелием
Утвердил еси твоим лобзанием?
Горе ти, горе, злобы исполненну!
Подобен еси гробу поваплени,

Иже снаружи является красен,
Внутри ядовитым червием ужасен.
Горе ти, горе, второму Каину!
Горе ти, горе, погубленну сыну!
Пролиял еси зверски кровь премногу,
Яже вопиет гласно на тя богу.
Божия храмы быша днесь вертепы
От шведскаго льва и волка Мазепы (263).

Риторические вопросы и обращения оформлены перфектом со связкой (*дерзнул еси, утвердил еси, пролиял еси*). Связка в данном случае представляется необходимой, поскольку это форма второго лица, с помощью которой ритор

моделирует диалогические отношения. Ту же функцию выполняют и формы настоящего актуального: *Чесо ради мя гониши, Иудо? За моя хлеба, за моя трапезы Горькия в жажду даеши мне слезы; Подобен еси гробу поваплени, Иже снаружи является красен, Внутри ядовитым червием ужасен; (кровь) вопиет гласно на тя богу*. Презенс и перфект являются, таким образом, господствующими временными формами в этой части оды. Отступления незначительны и тоже вполне закономерны. Единоразово появляется форма сослагательного наклонения, вводящая антитезу:

Аще бы ми враг поносил сугубо,
Претерпела бы казни его любо.
Но от своего чада прелюбима
О, коль матери язва нестерпима!

И дважды встретила форма аориста:

Что моя вина? Что *творих* ти худо?
Чесо ради мя гониши, Иудо?...
Божия храмы *быша* днесь вертепы
От шведскаго льва и волка Мазепы.

Очевидно, что аорист и в первом и во втором случае не разрушает здесь временного плана настоящего. В первом случае настоящее поддерживается обрамляющими риторическими вопросами (*Что (есть) моя вина?* и *Чесо ради мя гониши, Иудо?*). Понятно, что находящийся между ними риторический вопрос (*Что творих ти худо? = что я сделала тебе плохого?*) имеет перфектную семантику и соотносим с настоящим. В последнем примере (*Божия храмы быша днесь вертепы*) с планом настоящего соотносится наречие *днесь*, а форма аориста отсылает к прошедшему, но к *ближайшему* прошедшему.

5) На смену топосу «назидание» приходит топос «упование», оформленный в футурально-императивном модально-временном ключе (строфы 9-10):

Друг твой лев, ты волк, ты ярость сугуба,
А людем бедным последняя пагуба.
И что *речеши* в страшном судищи,
Лишенный неба и райския пищи?

В крови невинной осквернивший руце,
Повинен еси нестерпимой муце.
Иным речет бог: благий рабе верный,
Поне же благ есть и нелицемерный,

Вниди в радости в рай господа бога,
 За твою веру се мзда многа.
 Тебе же горе, преступниче веры!
Восприимеши часть со львом, лицемеры.
Известен буди, яко тебе, вора,
 Ад ожидает и погибель скоро (264)

б) Завершает оду «воззвание» – самая патетическая часть, обращенная к Богу, с абсолютно преобладающими формами императива:

Боже мой, к тебе молитву пролию,
Услыши горце стенащу Россию.
 Ты нам сам *суди* и мать и сына,
Виждь, чия правда, *виждь* чия измена.
Суди, господи, обидящья мя,
Посрами гордость востающих на мя (264).

Как и полагается образцовому риторическому построению, концовка зеркально повторяет зачин, внося при этом и новый содержательный элемент за счет нарастания лексем с мелиоративной семантикой:

Изми мя, боже, – вопиет Россия –
 От ядовита и лютаго змия,
 Ах, тяжку горесть терпит мати бедна,
 Утробу мою снедает ехидна.

Приими мечь и щит, буди помощь моя,
 Возсияй ми свет мира и покоя,
 Мене, Россию, возвесели бедну,
 А ядовитую попри ехидну!

2. «Низкий стиль». Примером низкого (простого) стиля могут служить некоторые вирши Феофана Прокоповича («Запорожец кающийся», «Плачет пастушок в долгом ненастье», «Благодарение от служителей домовых за солод ново-мышленный к домовому эконому Герасиму» и нек. др.). Простые претериты (аорист и имперфект) в этих текстах полностью вытеснены «эловыми» формами. В качестве иллюстрации приведем следующие примеры:

Что мне делать, я не знаю,
 а безвестно погибаю:
Забриол в лесы непроходны,
 в страны гладны и безводны;
 Атаманы и гетманы,
попал я в ваши обманы
 ...
Прогневил я самодержца
 с малоразсуднаго сердца.
 (Запорожец кающийся, 273-274)

За Могилою Рябою
 над рекою Прутовою
было войско в страшном бою.
 В день недельный ополудны
стался нам час велми трудный,
пришол турчин многолюдный (274)

Славянизмы и грамматические архаизмы появляются в этих текстах лишь спорадически. Объяснить их появление, как правило, можно только версификационными задачами (для поддержания рифмы или ритма). Ср., напр., с одной стороны:

Забриол в лесы непроходны,
 в *страны* гладны и безводны;

с другой стороны:

Коли дождусь я весела ведра
 и дней красных,
 Коли явится мне милость прещедра
 небес ясных?
 Ни с каких *сторон* света не видно, –
 все ненастье.
 (Плачет пастушок, 275).

И там же:

Дрожу под дубом; а крайним *гладом*
 овцы тают,
 И уже весма мокротным *хладом*
 исчезают.
 Прошел день пятый, а вод дождевных
 нет отмены...
 Потщися, боже, нас свободити
 от *печали*,
 Наши нас деды к тебе вопити
научали.
 (Плачет пастушок, 276).

То же в «Благодарении от служителей домовых»:

От козака:
 Бежит прочь жажда, бежит и печальный *голод*,
 где твой, отче эконоом, находится *солод*.
 Да и чудо он творит дивным твоим вкусом:
 пьян я, хотя омочусь одним только усом.

От малых детей:
 Где ты, о *бородушка*,
 залучил *солодушка*,
 Какова здесь было?

Так то приятель зело.
Где-сь ты ездил далиоко?
Где птичье *молоко*?
Понеже, слово-слово,
так *сладко и здорово* (282)

Обратим внимание, что орфография текстов отражает переход $e > 'o$ ($e > \dot{e}$), являющийся особенностью живой русской речи и не свойственный церковно-книжной норме (*прошол, пришол, забриол, далиоко*).

Результаты и обсуждение

Итак, как видно из проведенного анализа, тексты, находившиеся на противоположных полюсах стилистической системы, принадлежавшие к высокому и низкому стилистическим регистрам, представляли собой в первой четверти XVIII в. достаточно монолитные образования с вполне определившейся грамматической нормой.

Возникает вопрос: каковы были перспективы развития этих разновидностей литературного языка? Как нам представляется, наибольшие трансформации в дальнейшем пережил книжно-славянский тип русского литературного языка, послуживший базой для высокого стиля. Он развивался в сторону удаления от грамматической нормы церковнославянского языка при сохранении лексических славянизмов, «всем грамотным людям вразумительных», и некоторой части грамматических архаизмов, формально (фонетически) соотносимых с нейтральными единицами (инфинитив на безударное – *ти*, презенс на *-ши*, окончания *-аго, -яго* у членных прилагательных и нек. др.). Что касается низкого стиля, то его нормы вплоть до конца XVIII в. мало менялись: изменения главным образом коснулись того, что из него вытеснялись некоторые архаизмы, диа-

лектизмы и грубое просторечие, а также уходили в высокий стиль «вразумительные» славянизмы типа *глад, брег*, которые в Петровскую эпоху еще воспринимались как почти нейтральные литературные средства.

Но наиболее интересные явления происходили, конечно, в будущем среднем стиле – именно там создавались условия для органичного синтеза разнородных в генетико-стилистическом отношении языковых средств, для выработки норм литературного языка нового типа. Совершенно права Н.И. Гайнуллина, писавшая по этому поводу: «... художественная литература конца XVII – первой четверти XVIII вв. была еще недостаточно информативна и эстетически значима. В рациональный и прагматичный век Петра на передовые позиции выдвигалась письменность иного рода. Она представлена в данный период значительным числом публицистических, научных, научно-популярных, исторических, философских и т. п. произведений» (Gaynullina, 1995:29).

Заключение

Таким образом, языковая пестрота, безнормие, причудливое смешение разнородных языковых форм, якобы характерные для Петровской эпохи, – это только внешняя сторона происходивших в литературном языке процессов. Нормативное мышление предшествующей эпохи не могло бесследно исчезнуть в бурное время реформ: оно проявилось в создании новой *нормы переходного периода* (Н. И. Гайнуллина), сущность которой заключалась в приспособлении традиционно-книжных форм для выражения нового содержания и в восполнении неизбежно возникающих при этом лакун новыми языковыми средствами разного генезиса.

Литература

- Гайнуллина Н. И. Заимствованная лексика в «Письмах и бумагах Петра Великого» (К проблеме освоения слов иноязычного происхождения в Петровскую эпоху): Дис. ... канд. филол. наук. – Алма-Ата, 1973.
- Гайнуллина Н. И. Эпистолярное наследие Петра Великого в истории русского литературного языка. – Алматы: КазГУ, 1995.
- Гайнуллина Н. И. Языковая личность Петра Великого (Опыт диахронического описания). – Алматы, КазНУ, 2002.
- Гайнуллина Н. И. О смешанном характере русского языка и норме переходного периода // Вестник КазНУ. Серия филологическая. – №2(74). – 2004.
- Левин В. Д. Краткий очерк истории русского литературного языка. – М., 1964.
- Живов В. М. Очерки исторической морфологии русского языка XVII-XVIII веков. – М., 2004.
- Ларин Б. А. Лекции по истории русского литературного языка. – СПб., 2005.
- Колесов В. В. Древнерусский литературный язык. – Л., 1989.

Семенов П. А. К характеристике грамматической нормы переходного периода (функции архаических временных форм в любовной лирике Петровского времени) // Жизнь в науке: Юбилейный сб., посвященный 70-летию со дня рождения профессора Н. И. Гайнуллиной. – Алматы: КазНУ, 2009.

Русская силлабическая поэзия XVII – XVIII вв. – Л.: Советский писатель, 1970 (При цитировании в статье этого издания в круглых скобках указывается страница).

References

Gaynullina N. I. (1973). Zaimstvovannaya leksika v «Pis'makh i bumagakh Petra Velikogo» (K probleme osvoyeniya slov inoyazychnogo proiskhozhdeniya v Petrovskuyu epokhu)[Borrowed words in Letters and Papers of Peter the Great (On the problem of adaptation foreign-language words in the Epoch of Peter the Great)]: Dis. ... kand. filol. nauk. Alma-Ata, 1973. (In Russian)

Gaynullina N. I. (1995). Epistolyarnoye naslediyе Petra Velikogo v istorii russkogo literaturnogo yazyka[Epistolary heritage of Peter the Great in the history of the Russian literary language]. Almaty: KazGU, 1995. (In Russian)

Gaynullina N. I. (2002). Yazykovaya lichnost' Petra Velikogo (Opyt diakhronicheskogo opisaniya)[The language personality of Peter the Great (Experience of diachronic description)]. Almaty, KazNU, 2002. (In Russian)

Gaynullina N. I. (2004). O smeshannom kharaktere russkogo yazyka i norme perekhodnogo pe-rioda [The mixed character of the Russian language and the norm of the transition period] // Vestnik KazNU. Seriya filologicheskaya. №2(74). 2004. (In Russian)

Kolesov V. V. (1989). Drevnerusskiy literaturnyy yazyk [Old Russian literary language]. L., 1989. (In Russian)

Larin B. A. (2005). Lektsii po istorii russkogo literaturnogo yazyka[Lectures on the history of Russian literary language]. SPb., 2005. (In Russian)

Levin V. D. (1964). Kratkiy ocherk istorii russkogo literaturnogo yazyka[Short essay on the history of Russian literary language]. M., 1964. (In Russian)

Russkaya sillabicheskaya poeziya XVII – XVIII vv. (1970). [Russian syllabic poetry XVII – XVIII centuries]. L.: Sovetskiy pisatel', 1970. (In Russian)

Semenov P. A. (2009). K kharakteristike grammaticheskoy normy perekhodnogo perioda (funktsii arkhaiskikh vremennykh form v lyubovnoy lirike Petrovskogo vremeni) [To the characteristic of the grammatical norm of the transition period (functions of archaic temporal forms in the love lyrics of Peter's time)] // Zhizn' v nauke: Yubileynyy sb., posvyashchenny 70-letiyu so dnya rozhdeniya professora N. I. Gaynullinoy. Almaty: KazNU, 2009. (In Russian)

Zhivov V. M. Ocherki istoricheskoy morfologii russkogo yazyka XVII-XVIII vekov [Essays on the historical morphology of the Russian language of the XVII-XVIII centuries]. M., 2004. (In Russian)